

Владимир АЛЕЙНИКОВ

* * *

Всюду люди — и я среди них, —
Никуда от юдоли не деться —
Только б сердцу в пути обогреться,
Отрешиться от козней земных.

Так пестра по вокзалам толпа —
Нет нужды ей до всяких диковин! —
Что там в небе — Стрелец, или Овен,
Иль копье соляного столпа?

Принц заезжий, стареющий маг,
Очевидец, срывающий маску, —
Кто ты, юноша, ищущий сказку, —
Совершишь ли решающий шаг?

Непогоды, грехи, племена,
Поколенья, поверья, обряды,
За последним обрывком бравады —
В ненасытной земле семена.

Отыскать бы по духу родных,
Оглядеться вокруг, разобраться, —
Да нельзя от судьбы отказаться,
Оказаться в полях ледяных.

Целовать бы мне стебли цветов —
Хоть за то, что бутоны подьемлют,
Что речам в одиночестве внемлют,
Что везде привечать их готов.

Владимир Дмитриевич Алейников — русский поэт, прозаик, переводчик, художник, родился в 1946 году в Перми. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Публикации стихов и прозы на родине начались в период перестройки. Автор многих книг стихов и прозы — воспоминаний об ушедшей эпохе и своих современниках. Стихи переведены на различные языки. Лауреат премии Андрея Белого, Международной отметины имени Давида Бурлюка, Бунинской премии, ряда журнальных премий. Книга «Пир» — лонг-лист премии Букера, книга «Голос и свет» — лонг-лист премии «Большая книга», книга «Тадзимас» — шорт-лист премии Дельвига и лонг-лист Бунинской премии. Член редколлегии журналов «Стрелец», «Крещатик», «Перформанс». Член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Высшего творческого совета этого союза. Член ПЕН-клуба. Поэт года (2009). Человек года (2010). Награжден двумя медалями и орденом. Живет в Москве и Коктебеле.

Не зависеть бы мне от забот! —
Что за невидаль — видеть страданье,
Удержаться опять от рыданья,
Оправдаться — авось и пройдет.

И с невидимых сотов стечет
Мед воскресный — целебное зелье, —
И справляют вдали новоселье
Под шатром неизменных высот.

* * *

Багровый, неистовый жар,
Прощальный костер отрешенья
От зол небывалых, от чар,
Дарованных нам в утешенье,
Не круг, но расплавленный шар,
Безумное солнцестоянье,
Воскресший из пламени дар,
Не гаснущий свет расставанья.

Так что же мне делать, скажи,
С душою, с избытком горенья,
Покуда смутны рубежи
И листья — во влажном струенье?
На память ли узел вяжи,
Сошурясь в отважном сиянье,
Бреди ль от межи до межи,
Но дальше — уже покаянье.

Так что же мне, брат, совершить
Во славу, скорей — во спасенье,
Эпох, где нельзя не грешить,
Где выжить — сплошное везенье,
Где дух не дано заглушить
Властям, чей удел — угасанье,
Где нечего прах ворошить,
Светил ощущая касанье?

* * *

Слова и чувства стольких лет,
Из недр ночных встающий свет,
Невыразимое, земное.
Чью суть не всем дано постичь,
И если речь — в ней ключ и клич,
А может, самое родное.

Давно седеет голова —
И если буйною сперва
Была, то нынче — наподобье
Полыни и плакун-травы, —
И очи, зеленью листвы
Не выцвев, смотрят исподлобья.

Обиды есть, но злобы нет,
Из бед бывлых протянут след
Неисправимого доверья
Сюда и далее, туда,
Где плещет понизу вода
И так живучи суеверья.

И здесь, и дальше, и везде,
Судьбой обязанный звезде,
Неугасимой, сокровенной,
Свой мир я создал в жизни сей —
Дождаться б с верою своей
Мне пониманья во вселенной.

* * *

Все дело не в сроке — в сдвиге,
Не в том, чтоб, старея вмиг,
Людские надеть вериги
Среди заповедных книг, —
А в слухе природном, шаге
Юдольном — врасплох, впотьмах,
Чтоб зренье, вдохнув отваги,
Горенью дарило взмах —
Листвы над землей? крыла ли
В пространстве, где звук и свет? —
Вовнутрь, в завиток спирали,
В миры, где надзора нет!

Все дело не в благе — в Боге,
В единстве всего, что есть,
От зимней дневной дороги
До звезд, что в ночи не счесть, —
И счастье родного берега
Не в том, что привычен он,
А в том, что, устав от снега,
Он солнцем весной спасен, —
И если черты стирали
Посланцы обид и бед,
Не мы ли на нем стояли
И веку глядели вслед?

* * *

Лишь глоток — лишь воздуха глоток,
Да от ласки влажный локоток,
Да пора — царица полумира
Под звездой в надменной высоте
Тянет руки в бедной нагоде
К двойнику античного кумира.

На лице — смирения печать,
Чтоб судьбу смелей обозначать, —
Подобрать бы камни к фероньеркам! —
С виноградом вместе зреет гром,
Чтобы дождь, поставленный ребром,
Удивил павлиньим фейерверком.

На ресницах — мраморная пыль,
Колосится высохший ковыль,
Да венком сплетается полынным
Эта степь, истекшая не зря
Горьковатым соком сентября,
С шепотком акаций по долинам.

Не найти заветного кольца,
Не поймать залетного птенца —
Улетит с другими он далеко, —
В розовой раковине дня
Слышен гул подземного огня,
Ропот слеп, как гипсовое око.

Станут нити в иглы продевать,
Чтоб лоскутья времени сшивать,
Изумлять виденьем карнавала,
Где от масок тесно и пестро
И пристрастья лезвие остро,
А участия как и не бывало.

Полно вам печалиться о ней,
Круговой невнятице теней, —
Не объять причины увяданья —
И в тиши, растущей за стеной,
Дорогою куплено ценой
Отрешенье — символ оправданья.

* * *

Пространства укор и упрямства урок,
Азы злополучные яви,
Которой разруха, наверно, не впрок, —
И спорить мы, видимо, вправе.

И вновь на восток потянулись мосты,
В степях зазвенели оковы —
Но древние реки давно нечисты,
Моря до сих пор нездоровы.

И негде, пожалуй, коней напоить
Безумцам, что жаждут упорно
Громаду страны на куски раскроить
И распрей раскалывать горны.

Отрава и травля, разъевшие кровь,
Солей отложения густые,
Наветы и страхи, не вхожие в новь,
При нас — да и мы не святые.

И мы в этой гуще всеобщей росли.
В клетях этих жили и норах,
И спали вполглаза мы — так, чтоб вдали
Малейший почувствовать шорох.

Мы ткани единой частицы, увы,
Мы груды песчаной крупы —

И рыбу эпохи нам есть с головы
Непросто, — и где причаститься

К желанному свету? — и долго ли ждать
Спасительной сени покрова,
Небесной защиты? — и где благодать,
И с верою — Божие Слово?

И снова — на юг, в киммерийскую тишь,
Где дышится глубже, вольнее,
Где пристальной, может, сквозь годы глядишь
И чувствуешь время вернее.

* * *

Как в годы нашествий, шуршат
Листою сухую
Деревья — и все ж не спешат
К хандре, к непокою,
К зиме, что прийти навсегда
Хотела бы снова,
И даже незнамо куда,
Порукою — слово.

Так что же останется здесь?
Журчание струек
Сквозь жар, обезвоженный весь,
Да ворох чешуек
В пыли, у подножья холма,
Да взгляды хозяек,
Да ветер, сводящий с ума,
Да возгласы чаек?

И что же грядет впереди —
Безлюдье, глухое
К тому, что теснится в груди,
Что есть под рукою,
Что смотрит из каждого дня,
Томясь на безрыбье,
Входя в сердцевину огня
Гремучею сыпью?

И все же не надо вздыхать
О том, что пропало, —
Ему не впервой полыхать,
Звучать как попало,
Вставать, наклонясь тяжело,
Быть сердцу по нраву, —
Оно никуда не ушло,
Как звездная слава.